

ской системы. Но важно, что речь шла прежде всего (хотя и не исключительно) о тех сторонах этой системы, которые были связаны главным образом с «красноречием», с художественностью. Проблема общезыковой нормы мало беспокоила Шишкова (если не иметь в виду его отрицательного отношения к иноязычным элементам и связанных с этим попыток воскрешения некоторых забытых слов), — он ее просто не замечал, механически следуя своим языковым навыкам.

Специфическими особенностями языка художественной литературы в их связи с состоянием самой литературы объясняются и некоторые кажущиеся противоречия языка Карамзина. Выше уже говорилось о «поэтической речи» и «высоком стиле» как категориях разных систем. В то же время, как верно заметил П. Н. Берков, «и у Карамзина был свой высокий стиль».¹⁰ Но, может быть, есть основания говорить, что у Карамзина было два высоких стиля: один — в нетерминологическом и нетрадиционном смысле этого выражения, входящий в систему «нового слога»; другой — в традиционном смысле, — как следствие обращения к старым высоким художественным жанрам (например, его оды Александру; см. также некоторые произведения И. И. Дмитриева типа «Глас патриота» и др.); этот второй можно рассматривать как «некарамзинский», хотя и принадлежащий перу Карамзина и карамзинистов; это отражение иной, старой стилистической (и художественной) системы, и даже тот факт, что и здесь количество «высокой» лексики меньше, чем, например, у Державина, в данном случае не имеет принципиального значения. Но не безразлично то обстоятельство, что «карамзинское» представление об общелитературной норме полностью отражено и в этих произведениях, — и в этом смысле они факт нового языка, новой языковой системы.¹¹ Факты такого рода, разумеется, осложняют картину языкового развития и делают невозможным прямолинейное противопоставление двух стилистических систем, как внутренние замкнутых образований.

В меньшей степени осложняют системные отношения в литературном языке конца XVIII и начала XIX в. традиции «низкого стиля». В силу того, что «низкие» языковые элементы с самого начала «не умещались в объем понятия литературности», будучи в основном средством «характерологической квалификации и клас-

¹⁰ Вступительная статья к книге: Н. М. Карамзин, Избр. соч. в двух томах, т. I, изд. «Худ. литература», М.—Л., 1964, стр. 55.

¹¹ В связи со сказанным следовало бы стремиться к более точному и дифференцированному употреблению термина «архаизм». По существу этот термин, вполне уместный применительно к фактам общелитературного — как книжного, так и просторечного происхождения, — становится сомнительным или, во всяком случае, наполняется иным содержанием, когда речь идет о единицах художественно значимых.